

Андрей ФЕФЕЛОВ, член правления Изборского клуба. Тема сегодняшнего заседания под эгидой клуба — "Уникальность социально-политической системы Ирана". Доклад представит Владислав Никитич ЗАЙЦЕВ, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ.

Владислав ЗАЙЦЕВ. Официальное название этого государства — Исламская Республика Иран. Персидский — "Джомхури-йе эслами-йе Иран". Режим в стране часто характеризуется режим, основанный на господстве религиозной догмы, в других — система, в которой значительное влияние принадлежит духовенству, в третьих — политическое устройство, при котором в одном лице соединяются функции светского правителя и главы религиозной общины.

В качестве характерного примера теократии обычно называют Ватикан, где глава государства является абсолютным монархом, будучи одновременно главой религиозной общины. Другой пример — Тибет до его включения в состав Китайской Народной Республики, где далай-лама также совмещал функции главы государства и религиозного лидера. С другой стороны, если обратиться к истории Кипра и фигуре Макариоса III, совмещавшего сан архиепископа с постом главы государства, то можно заметить, что Кипр не принято было называть теократическим образованием. Точно так же и Соединённое Королевство до сих пор официально не определяется как теократия, хотя британский монарх формально является главой англиканской церкви. Возникает вопрос: почему, когда речь заходит об Иране, с явной укоризной подчёркивается, что это теократия? За этим определением, как правило, следуют оценки, представляющие систему как отсталую, "средневековую", что и формирует искажённый образ режима.

Началось это после захвата заложников в посольстве США в Тегеране 4 ноября 1979 года. С того момента антииранская пропаганда ведётся непрерывно и служит обоснованием различных форм давления — санкций и эмбарго, которые со временем вынудили Иран выработать собственные механизмы адаптации. В частности, сформировался термин "экономика сопротивления". Речь идёт об особой экономической модели, которая в условиях беспрецедентного внешнего давления продемонстрировала свою устойчивость: стране удалось развивать ключевые отрасли и поддерживать жизнь населения на относительно приемлемом уровне. К этому вопросу можно будет вернуться позднее; сейчас же важно понять, как устроена политическая система Ирана и как данный режим можно определить.

Формально это республика, и в институциональном отношении она действительно является таковой, поскольку глава государства получает свою должность в результате процедуры избрания. Иногда проводят параллель с избранием папы римского на конклаве. В Иране верховный лидер избирается Советом экспертов — органом из 88 авторитетных законодоведов, избираемых всенародным голосованием на восьмилетний срок, который действует на постоянной основе. Он собирается регулярно дважды в год, в отличие от конклава, который созывается по конкретному поводу — а именно в случае кончины понтифика. Именно Совет экспертов наделён полномочиями избирать руководителя государства и, в теории, отстранять его от должности. Таким образом, население участвует в выборе рахбара через данный институт. В этом смысле допустима аналогия с системой выборов в США, где президент также определяется через коллегию выборщиков. При этом вся политическая конструкция

Исламской Республики выстроена как сложный механизм сдержек и противовесов.

Необходимо уточнить, что представляет собой должность рахбара. Само слово "рахбар" — обиходное и означает "руководитель" или "лидер", тогда как официальное обозначение этой должности — "вали-йе факих". Этот термин обычно переводят как "правящий исламский юрист", "верховный религиозно-правовой авторитет" или "попечитель (хранитель) исламского правоведения". Речь идёт о фигуре, которая сочетает в себе высшую политическую власть с религиозной легитимностью. Данная модель была теоретически сформулирована основателем республики, аятоллой Хомейни, которого впоследствии стали называть имамом.

Соответствующая теория носит название "велят-йе факих", что обычно переводится как "правление исламского юриста" или "попечительство правоведа". Факих — это совокупность норм исламского права, а факих — специалист, обладающий глубоким знанием этих норм. Вали — это носитель полномочий управления общиной, наделённый правом политического и религиозного руководства; его власть понимается как осуществление божественной воли в отсутствие иного, высшего источника легитимности. В этой связи можно обратиться к тексту Конституции. Согласно пятой статье, в период великого сокрытия Вали-йе Аср — мессиянской фигуры, которая, по верованиям шиитов-дванадесятковых, должна явиться в конце времён, — руководство уммой и управление обществом в Исламской Республике возлагаются на справедливого и набожного факиха, обладающего знанием требований времени, мужеством, рассудительностью и способностями к управлению.

Духовный лидер действует в рамках системы, в которой законодательная, исполнительная и судебная власти функционируют под его контролем в соответствии с Конституцией. При этом сам текст не содержит требований к происхождению кандидата — ни к его роду, ни к семье, ни к формальному духовному статусу; оговаривается лишь, что он должен быть факихом, то есть специалистом в области исламского права. Юридическая система Ирана основана на фикхе, поэтому требование соответствующей подготовки не выглядит исключительным. В западных демократиях также считается желательным наличие юридического образования у главы государства; сходные представления можно наблюдать и в российской практике. Возникает вопрос: каким образом Хомейни и его преемники заняли эту должность? Хомейни оказался на ней де-факто как беспорочный лидер революции, что позволило ему утвердить собственную модель государственного устройства.

Впрочем, сама государственная доктрина Хомейни вызывала сомнения даже среди его ближайших соратников. Уже в первые годы существования новой системы некоторые из них были отстранены

от власти. В частности, первый президент Аболхасан Банисадр, светский политик, был смещён. Первый премьер-министр Мехди Базарган, инженер и один из известнейших противников шахского режима, также лишился поста после критики ряда решений, включая захват американского посольства. Кроме того, один из наиболее авторитетных богословов и ближайших соратников Хомейни — Хосейн-Али Монтазери, которого рассматривали как возможного преемника, — впоследствии оказался в опале: после серьёзных разногласий его отстранили от должностей и поместили под домашний арест. После смерти Хомейни Совет экспертов избрал его преемником Али Хаменеи, входившего в круг доверенных лиц, хотя он не обладал высшим духовным званием. Это, однако, не стало препятствием для его избрания. Таким образом, в данном случае решающим фактором стала политическая целесообразность. Впоследствии был создан специальный орган — Совет по определению целесообразности, который выполняет консультативные функции и выступает арбитром при разногласиях между ветвями власти. Пост президента является избираемым: он замещается в результате прямого голосования граждан и предполагает осуществление исполнительной власти. Изначально существовала и должностной премьер-министра, которую занимал Мехди Базарган, однако впоследствии этот пост был упразднён, и полномочия главы правительства перешли к президенту. Парламент Исламской Республики — Меджлис (Исламский консультативный совет) — однопалатный законодательный орган, депутаты которого избираются тайным голосованием граждан. Правом участия в выборах обладают как мужчины, так и женщины. Более того, предусмотрены квоты для национально-религиозных меньшинств — христиан и зороастрийцев; при этом мусульмане-сунниты участвуют в выборах на общих основаниях, без специальных квот. Существует также разветвлённая судебная система, включающая уголовные, гражданские и иные специализированные суды. Таким образом, перед нами республиканская система с элементами многопартийности. Политические партии отличаются от традиционных европейских моделей: у них, как правило, нет жёстко оформленного ядра и структурированной организации в привычном смысле. Здесь эти организации находятся в состоянии постоянных изменений, формирования коалиций и других перестроек; политическая жизнь остаётся насыщенной и на первый взгляд хаотичной, однако при более внимательном рассмотрении в ней можно обнаружить определённые закономерности.

Многие исследователи стремятся выявить различия в политическом курсе отдельных президентов. При этом используются такие обозначения, как "консерваторы", "радикалы" и, условно говоря, "популисты". К последним, например, относят Махмуда Ахмадинежада, занимавшего пост президента в течение двух сроков подряд (2005–2013). К числу консерваторов или умеренных, как правило, причисляют Хашеми Рафсанджани — одного из наиболее влиятельных политиков своего времени, выступавшего за развитие контактов с Западом и предлагавшего, в частности, меры по приватизации экономики.

жением деп. Впрочем, такая тенденция наблюдается в большинстве стран мира. По выражению известного французского писателя Жоржа Бернаноса (1888–1948), "горячность молодёжи поддерживает нормальную температуру у всех других, а когда молодёжь остывает, все остальные стучат зубами от озноба". Но следует отметить и другое важное обстоятельство: в ситуациях внешней угрозы значительная часть молодого поколения Ирана отодвигает на второй план внутренние разногласия. В качестве примера обычно приводят массовые похороны Касема Сулеймани — генерала и одного из ключевых организаторов так называемой Оси сопротивления, на которые собрались сотни тысяч человек. Примечателен эпизод, когда западный корреспондент спросил одного из участников, ранее выступавшего против внешней политики руководства ИРИ, почему он присутствует на церемонии в честь человека, имя которого было одним из символов этой политики, и тот ответил, что у него есть претензии к своему правительству, но он не хочет слышать их от кого-либо извне.

Андрей ФЕФЕЛОВ. Иран обычно относят к условному "коллективному Востоку" наряду с Китаем, КНДР, Россией и Беларусью, однако каждая из этих стран обладает собственной социально-экономической моделью. А как устроена экономика Ирана, существует ли в стране крупный бизнес и каким образом распределяется собственность?

Владислав ЗАЙЦЕВ. В данном случае самое корректное определение — многоукладная экономика, в которой сочетаются элементы государственного регулирования и рыночные механизмы. Ключевые, наиболее доходные отрасли, во многом определяющие экономическую устойчивость страны, находятся под контролем государства. Основным ресурсом Исламской Республики остаётся нефтегазовый сектор — добыча, переработка и экспорт углеводородов, сосредоточенные в рамках Национальной иранской нефтяной компании; соответствующие доходы в значительной мере поступают в государственный бюджет. В определённой степени сходные модели можно наблюдать и в Европе, например в Норвегии. В Иране действуют крупные государственные компании и конгломераты, наряду с которыми существует множество смешанных структур; их дочерние предприятия нередко обладают сложной и непрозрачной организацией и могут функционировать в форме акционерных обществ. Существенную роль играют так называемые боньяды — фонды, восходящие к традиции вакфа, то есть имущества, передаваемого на общественно полезные цели. В проповедях Рухоллы Хомейни — как в Иране, так и за рубежом (сначала в Турции, затем в Ираке, в Эн-Наджафе, где он читал лекции, распространявшиеся в записи) — часто с горечью констатируется пагубное разделение общества на две неравные во всех отношениях группы: "мустаза-фин" (обездоленные, униженные, притеснённые) и "мотакабберин" (надменные и богатые властители, пренебрегающие интересами народа). Ссылаясь на Коран, Хомейни утверждал, что общество должно строиться на принципах справедливости, а привилегированные слои — служить интересам большинства. Неслучайно крупнейшие боньяды связаны с

религиозными центрами — в Мешхеде, где расположен грандиозный мемориальный комплекс имама Резы, и в Куме с его святыней Масуме. Эти структуры охватывают не только религиозную сферу, но и широкий круг хозяйственной деятельности, вплоть до промышленного производства, обеспечивая занятость десятков тысяч человек. Единой и постоянной линии в социальной политике руководства Исламской Республики не прослеживается: она меняется в зависимости от текущей ситуации в стране и мире и от курса конкретных администраций. Одни делают упор на расширение социальных программ и поддержку малообеспеченных, другие же исходят из того, что частный сектор способен брать на себя решение технологических и экономических задач.

Елена ЯНЧУК, журналист, общественный деятель. Я задам два вопроса, касающихся светского и религиозного аспектов. Довольно часто в интернете период правления шаха подаётся как период светского уклада, женщин в коротких юбках, а после революции — как время резкого ужесточения религиозных норм и "скованности" общественной жизни. Насколько это соответствует действительности?

Владислав ЗАЙЦЕВ. Начнём с того, что, когда отец последнего шаха, Реза-шах, издал указ о запрете ношения чадры, многие женщины вышли на улицы с протестами против её снятия. С другой стороны, когда шах Мохаммад Реза, его сын, проводил свои реформы, получившие название "Белая революция", и среди них также была реформа, касавшаяся одежды, духовенство, в том числе и Хомейни, выступило резко против. В этих мерах оно видело посятельство на национальные традиции и религиозные устои. Если обратиться к современной ситуации, например в Тегеране, можно увидеть, что дресс-код, существовавший в первые годы после прихода к власти нового режима, постепенно смягчается: вместо тёмных платков всё чаще носят цветные, а на митингах нередко можно увидеть людей, не демонстрирующих внешних признаков религиозной принадлежности.

Отношение к западной культуре при этом всегда оставалось двойственным. Молодёжь, как правило, воспринимала её положительно. Когда-то при тегеранском телевидении существовал симфонический оркестр, в репертуаре которого преобладала западная классика. Мне довелось ещё в аспирантские годы работать с делегацией, приехавшей в Москву из Ирана; в её составе был певец, выступавший в "Ла Скала", где он исполнял одну из партий в "Дон Жуане". Концерты, как правило, открывались расподиями Листа, иногда звучал Чайковский. Впоследствии всё это оказалось под запретом. Ряд представителей музыкальной среды после революции покинули страну и продолжили работу за рубежом, в том числе в Великобритании. Таким образом, эта культурная линия была прервана, однако сегодня интерес к ней постепенно возрождается. Но главное, заметно возвращение к ценностям, которые акцентировались когда-то в официальной идеологической доктрине шахского Ирана, — прежде всего к идее величия Древнего Ирана, что проявляется, в частности, в отношении к важнейшим археологическим памятникам, и особенно — к Персеполью. Так, один из президентов Ирана, Эбрахим Раиси, пользовавшийся значительной популярностью, в том числе благодаря поездкам по отдалённым регионам, во время визита в Шираз специально посетил Персеполь. Когда иностранные журналисты спросили его об отношении к этому памятнику, он ответил: "Это наша гордость и ценность, это создали наши великие мастера", — и добавил: "Но это и памятник деспотизму". Вообще, отношение к мученичеству в иранской культуре совершенно особое. Иногда со стороны это воспринимается как нечто показное, однако это не так. В дни месяца Мухаррам, когда вспоминают мученическую гибель имама Хусейна, проходят траурные церемонии — в том числе театрализованные постановки, посвящённые этому событию и называемые "тазие". Одно из таких представлений проходило примерно двенадцать лет назад на сцене московского театра. Я присутствовал на нём: это было очень сильно, драматичное действо — с чтением стихов и музыкой. Несколько рядов занимали сотрудники иранских учреждений. И когда по окончании представления я вышел в фойе, то увидел, что многие из них — от молодых до пожилых — были в слезах. Настолько глубоко переживалось ими событие, произошедшее более тысячи лет назад.

Елена ЯНЧУК. Как отмечают аналитики, линия противостанция США и Израиля с Ираном во многом формируется израильской стороной и связана с политикой Нетаньяху. При этом известно, что в Иране действует еврейская община, работают синагоги. Исторически это связано и с фигурой Кира Великого, освободившего евреев после взятия Вавилона. В Израиле, напротив, Иран нередко представляется как экзистенциальный противник. В связи с этим вопрос: каково сегодня отношение иранцев к евреям на уровне повседневной жизни?

Владислав ЗАЙЦЕВ. Я полагаю, что иранская цивилизация является одной из наиболее веротерпимых в мировой истории. Уже само становление древнейшей персидской державы — Ахеменидской империи — свидетельствует об этом. Она возникла в середине VI века до нашей эры и стала первым в истории государством, располагавшимся в годы наивысшего подъёма на трёх континентах, задолго до формирования подобных образований в других регионах, примерно за триста лет до возникновения первой Китайской империи.

Возвышение государства Ахеменидов сопровождалось тем, что его основатель, Кир Великий, фактически провозгласил своего рода манифест, согласно которому все подданные могли говорить на своих языках, молиться своим богам, чтить свои обычаи. В этом они были свободны. Главной их обязанностью оставалась лояльность власти и служение государству. Этот принцип в значительной степени сохранялся на протяжении всей иранской истории, даже в те периоды, когда Иран не назывался Ираном и входил в состав других политических объединений, например халифата. Исключения возникали тогда, когда восстания против власти проходили под религиозными, этническими или иными сепаратистскими лозунгами.

Исламская Республика Иран — это унитарное государство, несмотря на то что на его территории проживает более двадцати этносов. Считается, что все они, независимо от языка и религии, — иранцы. Если говорить о еврейской общине, то в Иране действует значительное число синагог — больше, чем в ряде других стран региона. Мне довелось видеть запись беседы с раввином одной из синагог. На вопрос о том, как он определяет свою идентичность, он ответил, что прежде всего он гражданин Исламской Республики, а уже потом — иудей. Так что какой-либо недоброжелательности к евреям как таковой там нет.

Андрей ФЕФЕЛОВ. При этом непризнание государства Израиль остаётся для Ирана принципиальным.

Владислав ЗАЙЦЕВ. Да, поскольку в Иране считают, что это государство возникло в результате насильственного захвата территории и изгнания с неё местного населения, а потому является незаконным.

Мария ДУБИНСКАЯ, обозреватель канала "День", общественный деятель. Владислав Никитич, мы видим, какими методами действует Израиль и США, вплоть до точечного устранения представителей политического и религиозного руководства. В

этой связи возникает вопрос: существует ли некий "резерв" кандидатов на должность рахбара?

Владислав ЗАЙЦЕВ. Резерв, безусловно, существует, и не только по линии рахбара. На любую ключевую должность у них имеется, если можно так сказать, "скамейка запасных". Кадровые вопросы решаются в обстановке споров и дискуссий, но в итоге выбирают человека, который в наибольшей степени отвечает текущим задачам. Что касается должности рахбара, то это должен быть человек, действительно обладающий теми качествами, о которых говорилось в самом начале нашей беседы. Таких людей, как мне представляется, достаточно много. В стране существует развитая система подготовки кадров, в том числе сеть духовных учебных заведений, главный центр которой — город Кум. В данном случае возникает разве что вопрос о так называемом принципе семейного наследования поста, однако в условиях военного противостояния, когда требуется максимальная консолидация сил, лидер должен быть человеком, ориентированным на жёсткое и последовательное противодействие. Поэтому, на мой взгляд, выбор нового верховного руководителя был вполне логичным.

Дмитрий АГРАНОВСКИЙ, адвокат. Все события человеческой истории я соотношу с опытом Советского Союза, и в данном случае не буду оригинален. Запад долгое время почти не сталкивался с силами, способными всерьёз поколебать его позиции, пока Советский Союз не создал альтернативную идеологию, производственную систему и модель сопротивления, загнав своих геополитических оппонентов, во выражению Александра Зиновьева, "в их естественные границы". После распада СССР сопоставимых по масштабу попыток сопротивления почти не было. На этом фоне Иран оказывает Западу последовательное и системное противодействие. Что позволило ему сформировать идеологию, производственную и общественную системы, обеспечивающие возможность серьёзного противостояния? Какими средствами Запад может воздействовать на такую страну и кто был движущей протестной силой внутри Ирана?

Владислав ЗАЙЦЕВ. Мне представляется, и такой вывод я делаю из общения с иранцами, что этот огромный ресурс сопротивления зиждется на глубокой убеждённости этого народа в принадлежности к великой цивилизации. В этом убеждены все — от простого крестьянина до рахбара. Это редкое качество, однако именно оно позволило этой цивилизации выжить, несмотря на тяжёлые исторические испытания, включая греко-македонские, арабские, монгольские и тюркские завоевания. Эта убеждённость была в своё время осмыслена и использована при шахах Пехлеви как идеологическое основание их власти, однако она не сводится к политической конструкции. И она почти не зависит от этнической принадлежности индивида: перс ли это, иранский азербайджанец, белудж или араб — все они ощущают свою принадлежность к высокой цивилизации. Отсюда вытекают и глубокие отличия от западной модели. Достаточно сопоставить официальную риторику конфликтующих сторон. Одна из них, нападающая, прибегает к жёстким, грозно звучащим формулам, апеллирует к мощи и превосходству, а другая, защищающаяся, проявляет сдержанность в выражениях, например: "Враг будет разочарован". За этим стоит иная культурная традиция, выработанная на протяжении веков.

Руслан САФАРОВ, политолог, эксперт Финансового университета при Правительстве РФ. Вы уже частично затронули эту тему, но мне хотелось бы рассмотреть её подробнее. Иран — многонациональная страна, и часто говорится о том, что азербайджанцы, учитывая их глубокую интеграцию в государственные структуры, в том числе присутствие выходцев из этой среды среди высшего духовенства, могут играть особую роль во внутренних процессах. Одновременно высказывается мнение, что одним из направлений внешнего воздействия на Иран может стать работа с курдскими и белуджскими группами. Есть ли сегодня в Иране этнические меньшинства, вокруг которых складывается особенно сложная экономическая, социальная или политическая ситуация и за счёт каких внутренних противоречий возможно на них воздействовать извне?